

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/91/5

**Образ рубашки
в творчестве и житнетворчестве Л. Н. Толстого:
постановка проблемы**

Ольга Евгеньевна Гевель

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

olyagevel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-7654>

Аннотация

Исследование сосредоточено на образе рубашки у Л. Н. Толстого. Рубашка в толстовском тексте может быть лишь портретной характеристикой, но может становиться и маркером переломных моментов: изменение социального статуса (разжалование, приобретение или потеря богатства, свадьба) или статуса биологического (рождение, болезнь, смерть). Отмечается контекстная взаимосвязь образов рубашки и кафтана, сопряженных с идеей «непротивления злу насилием» и знаменитой «толстовкой» писателя. Материал художественных произведений подтверждает, что переодевание в рубашку как символический акт уже был осмыслен Л. Н. Толстым на примере автобиографических образов.

Ключевые слова:

Л. Н. Толстой, «Война и мир», «Анна Каренина», образ рубашки, кафтан, гардероб персонажа, портретная характеристика персонажа

Для цитирования

Гевель О. Е. Образ рубашки в творчестве и житнетворчестве Л. Н. Толстого: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72. DOI 10.17223/18137083/91/5

**The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy:
formulation of the problem**

Olga E. Gevel

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

olyagevel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-7654>

Abstract

The paper focuses on the image of *rubashka* (a shirt) recurring in different contexts in the creative and epistolary works of Leo Tolstoy including his letters, diaries, and notes. The author

© Гевель О. Е., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 64–72

addresses the methodologies utilized in current research concerning the poetics of the wardrobe of literary characters. The analysis corroborates the significance of the image, thereby underscoring the emphasis on these descriptive elements through the entire corpus. This study investigates the multiple roles and cultural settings of the *rubashka* image throughout history, with future research planned to provide further detailed analysis. The image in question proves to serve a dual purpose: as a character portrait and as a symbolic plot device, indicating significant transitions in social status (advancement, financial shifts, marriage) or biological status (birth, illness, or death). Also noted is the relationship between the imagery of *rubashka* and *kaftan* in the context of Tolstoy's philosophy of "non-resistance to evil by violence" (a concept rooted in biblical teachings and frequently appearing in his literary and personal writings). It is of significance that *rubashka* becomes central to the visual representation of the writer. Many portraits, photographs, and videos feature Leo Tolstoy in his well-known *tolstovka*, a simple shirt that came to symbolize his philosophical perspective. The material of artistic works, including the novels "War and Peace" and "Anna Karenina," confirms the conceptualization of using a shirt as a symbolic act by Leo Tolstoy, as demonstrated by his autobiographical images and their projections.

Keywords

Leo Tolstoy, "War and peace", "Anna Karenina", image of a shirt, caftan, wardrobe of a literary character, portrait characteristic of a character

For citation

Gevel O. E. The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy: formulation of the problem. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 64–72. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/5

Гардероб персонажей художественных произведений лишь недавно стал темой пристального исследовательского внимания [Абиева, 2018; Дудукалова, Сысоева, 2019; Кирсанова, 1995; 2006; Козубовская, 2013; Лазареску, 2013; Манкевич, 2013; Попова, 2016; Терехова, 2016; Greenleaf, 1994]. Однако при ближайшем рассмотрении отдельные детали костюма в литературном тексте могут не просто характеризовать персонажа, но и стягивать к себе гораздо более сложные мифопоэтические и культурные контексты (очевидными примерами могут быть гоголевская шинель или треугольная шляпа в повести Педро Антонио Аларкона).

В творчестве Л. Н. Толстого, всегда очень точного в выборе мельчайших деталей, гардероб героя во многих случаях является важной мотивной и сюжетной иллюстрацией, но иногда имеет и отчетливое символическое значение.

Так, например, обращают на себя внимание образы рубашек (и еще одной вариации этого слова – «рубаша»), часто появляющихся в текстах Л. Н. Толстого и связанных также с некоторыми значимыми моментами его жития. Безусловно, Л. Н. Толстой – писатель-реалист, подробно описывающий разнообразные аспекты и предметы действительности, и рубашка как константа любого гардероба неизбежно будет появляться в любом реалистическом тексте. Но анализ корпуса толстовских текстов выявляет, что упоминание этого предмета одежды одно из самых частотных у Толстого: совокупное использование словоформ «рубашка» и «рубаша» в текстах 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого 765¹ раз (ср. со словоформами «брюки» – 10, «штаны» – 112, «сюртук» – 200 раз).

Функции и контексты образа рубашки в творчестве Л. Н. Толстого разнообразны, и объем статьи позволяет раскрыть лишь некоторые из них. Однако стоит отметить, что образ встречается на протяжении всей творческой работы писателя,

¹ Согласно данным цифрового путеводителя «Слово Толстого» (<https://slovotolstogo.ru>), слово «рубашка» используется 345 раз, слово «рубаша» – 420 раз.

уже в первых произведениях Толстой в описаниях подчеркнуто внимателен к рубашкам персонажей (простым ситцевым или крахмаленным голландским), например, в «Отрочестве» и «Юности»: «Ежели бы, когда Володе в первый раз сделали голландские рубашки со складками, я сказал прямо, что мне весьма досадно не иметь таких, я уверен, что мне стало бы легче и не казалось бы всякий раз, как он оправлял воротнички, что он делает это для того только, чтобы оскорбить меня» (т. 2, с. 17)², «Мы все безмолвно смотрели на суповую чашу и белую рубашку дерптского студента» (т. 2, с. 200), «Многие сняли сюртуки (особенно те, у которых были тонкие и совершенно свежие рубашки)» (т. 2, с. 200), «Все были в грязных ситцевых рубашках» (т. 2, с. 215), «Но главною причиною невозможности сближения были мое двадцатирублевое сукно на сюртуке, дрожки и голландская рубашка» (т. 2, с. 217).

В романе «Война и мир» зачастую акцентируется внимание на том, что герои остаются в одной рубашке: так, в сцене распития Долоховым бутылки рома на подоконнике мы видим и Анатоля, и самого Долохова одетыми именно так: «...хозяин, высокий красавец, стоявший посреди толпы в одной тонкой рубашке, раскрытой на середине груди» (т. 9, с. 38), «спина Долохова в белой рубашке и курчавая голова его были освещены с обеих сторон» (т. 9, с. 41). Долохов далее часто появляется в одной белой рубашке, например, в эпизоде карточного проигрыша Николая Ростова она упоминается трижды (и может ассоциативно также отсылать к рубашке карт).

Пьер Безухов в плену из всей своей одежды сохраняет только рубашку: «одевание Пьера теперь состояло из грязной продранной рубашки, единственным остатке его прежнего платья» (т. 12, с. 92). Есть и упоминания полного отсутствия рубашки, например: «под мундиром на французе не было рубахи, а на голое, желтое, худое тело был надет длинный, засаленный, шелковый с цветочками жилет» (т. 12, с. 95) – солдат приходит к Пьеру и Платону Каратаеву за рубашками, которые пленные шьют французам.

Образ рубашки также символически сопряжен с наполеоновским текстом – от прямых описательных упоминаний до почти мифопоэтических образов: «...Бонапарте в рубашке родился»³ (т. 9, с. 126), – говорит об успехах армии Наполеона старый князь Болконский, сам появляющийся перед Наташей Ростовой в рубашке (ночной), демонстрируя ей неуместность ее визита (и ее включения в семью Болконских).

Интересным образом символика рубашки проявлена в предсмертных словах князя Андрея, который в бреду не может понять, что видит: его белую рубашку или Сфинкса, или Наташу Ростову – тоже в белой рубашке: «Но кроме этого было еще одно важное. Это было белое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его. “Но, может быть, это моя рубашка на столе”, – думал князь Андрей <...> И внимание его вдруг перенеслось в другой мир действительности и бреда, в котором что-то происходило особенное. Все так же в этом мире воздвигалось, не разрушаясь, здание, все так же тянулось что-то, так же с красным кругом горела свечка, та же рубашка-сфинкс лежала у двери; но кроме всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло свежим ветром, и новый белый сфинкс, стоячий, явился пред

² Здесь и далее произведения Л. Н. Толстого цитируются по (Толстой, 1928–1958) с указанием номера тома и страниц в круглых скобках.

³ Как отмечает Карло Гинзбург в статье «Фрейд, человек-волк и оборотни», «в славянском фольклоре людям, родившимся в рубашке, приписываются сверхъестественные способности, и в первую очередь способность становится оборотнем» [Гинзбург, 2005, с. 276].

дверью. И в голове этого сфинкса было бледное лицо и блестящие глаза той самой Наташи, о которой он сейчас думал» (т. 11, с. 386–387).

В романе «Анна Каренина» в потоке сознания Анны, предшествовавшем самоубийству героини, также появляется образ рубашки: «Зачем эти церкви, этот звон и эта ложь? Только для того, чтобы скрыть, как мы все ненавидим друг друга, как эти извозчики, которые так злобно бранятся. Яшвин говорит: он хочет меня оставить без рубашки, а я его. Вот это правда!» (т. 19, с. 340–341). Это отсроченная реакция Анны на давний разговор с другом Вронского Яшвиным (во многом наследующим образу Долохова), который, комментируя свои принципы карточной игры, замечает: «Ведь кто со мной садится (играть в карты. – *О. Г.*) – тоже хочет оставить меня без рубашки, а я его. Ну, и мы боремся, и в этом-то удовольствии» (т. 19, с. 329).

Характерно, что Алексей Каренин, размышляя о разводе, также акцентирует внимание на образе рубашки: «“И ударившему в правую щеку подставь левую, и снявшему кафтан отдай рубашку”, – подумал Алексей Александрович» (т. 18, с. 454). Та же мысль варьируется в тексте еще несколько раз, например в мыслях Кити: «Какое же может быть излишество в следовании учению, в котором велено подставить другую щеку, когда ударят по одной, и отдать рубашку, когда снимают кафтан» (т. 18, с. 237).

Сопряжение образов кафтана и рубашки в этом контексте характерно и для писем, и для других текстов писателя, посвященных его доктрине непротivления злу насилieм.

Мысль эта варьируется более 30 раз, в том числе в «Учении Христа, изложенном для детей»: «...и кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдать и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу. В этом четвертая заповедь» (т. 37, с. 103).

Иногда высказывания встречаются в усеченном виде, присутствует только кафтан, например в письме Э. Кросби: «“Вам сказано зуб за зуб”, – а я говорю вам: “не противься злу”, и если тебя ударят, и если возьмут кафтан и все примеры насилия, на кот[орые] не надо отвечать насилieм» (т. 69, с. 142). И в другом письме – В. И. Алексееву: «Мы теоретически отрицаем собственность, а практически признаем. Я отрицаю собственность земли, а признаю собственность кафтана. А то и другое одинаково» (т. 63, с. 196).

Очевидно, образы рубашки (рубахи) и кафтана становятся для Толстого одним из материальных воплощений концепции непротivления злу насилieм, сформировавшейся долгие годы. Созвучные идеи отдать кафтан снявшему рубашку, варьирующиеся в творчестве и эпистолярной писателя, и эпиграф к роману «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и Аз воздам» – явным образом противопоставлены намерению самостоятельно мстить, противиться насилieм посредством насилия, оставлять другого без рубашки или кафтана.

Значимые для сюжета упоминания о кафтане есть и в романе «Война и мир»: в него Пьер переодевается во время осады Москвы, кафтан (вместе с рубашкой) хранит княжна Марья, замыслив уйти в странницы, «под предлогом подарка странницам, княжна Марья припасла себе полное одеяние странницы: рубашку, лапти, кафтан и черный платок» (т. 10, с. 237). Позже аналогичный набор приготовит Отец Сергей из одноименной повести: «Он приготовил себе мужицкую рубаху, портки, кафтан и шапку. Он объяснил, что это нужно ему для того, чтобы давать просящим» (т. 31, с. 29). Обращает на себя внимание фактически полная

эквивалентность двух последних примеров, несмотря на то что разница во времени между текстами более 30 лет.

Очевидно, «остаться в одной рубашке» для героев Толстого – важный символический жест, позволяющий «скинуть с себя все лишнее», «бремя внешнего человека», и этот вопрос беспокоил Толстого и его героев на разных этапах жизни. Так, раздумывая об ополченцах в белых рубашках перед Бородино и вновь разжалованном Долохове среди них, Пьер приходит к мысли: «“Солдатом быть, просто солдатом!” – думал Пьер, засыпая. – “Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внешнего человека?”» (т. 1, с. 293).

Такая символика рубашки сопрягает не только разные художественные тексты Л. Н. Толстого, но в некотором смысле и житетекст писателя⁴: сам образ его уже неотрывно связан с образом белой, черной, голубой рубашки (толстовки), в которой Толстой изображен на портретах И. Е. Репина, И. Н. Крамского, на фотографии С. М. Прокудина-Горского и др.

С рубашками сопряжены и некоторые семейные толстовские легенды. Так, в дневниках жены писателя С. А. Толстой зафиксирована история о пропавшей в день их свадьбы рубашке, из-за которой венчание могло и не состояться: «Приготовив все для свадьбы и отъезда, забыли оставить чистую рубашку⁵. Посылали купить, но было воскресенье, и все магазины были закрыты. Пока ее свезли, пока оделся и приехал в церковь жених, прошло еще много времени. Явился наконец и шафер жениха, объявив, что жених в церкви. Началось прощание, слезы, рыдания, и меня совсем расстроили» (Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников, 2017, т. 1, с. 157). Потом Л. Н. Толстой включит историю с потерянной рубашкой в свадебный эпизод романа «Анна Каренина».

В контексте гардероба Л. Н. Толстого именно написание романа «Анна Каренина» является в каком-то смысле переломным: по воспоминаниям современников, он все еще появляется в обществе в сюртуке, но дома все чаще начинает носить рубашки и простые домотканые штаны; связывают этот выбор костюма с толстовской философией «опрощения», стремлением стать ближе к народу. Стоит отметить, что его автобиографические персонажи Пьер Безухов и Константин Левин в рубашки (в простых мужиков) переоделись задолго до самого Толстого. Примерно в то же время в «Четвертой русской книге для чтения» (1875) выходит сказка «Царь и рубашка», также варьирующая символическое значение этого образа.

---

⁴ Любопытное совпадение состоит в том, что московский дом Л. Н. Толстого находился в Хамовниках, название этого района этимологически также может быть связано голландским словом, обозначающим рубашку, на что указывает В. Булгаков: «Наиболее вероятным является происхождение слова “хамовник” от голландского слова “ham” – рубашка, белье; известно, что акты XVII века указывают на особую голландскую улицу в Москве. Свео-готское слово “ham” – белье, рубашка – могло передаться от пленных шведов и литовцев, тоже поставлявших царскому двору “белую казну”. Известно также, что в “Хамовной слободе”, около “церкви Николы”, на особом “дворе” – Тяглые Хамовники – ткачи готовили полотна под руководством иноземных мастеров, среди которых могли быть и шведы (ham – рубашка), и финны (hame – белье, рубашка), и иностранцы латинского происхождения (chama – одеяло)» [Булгаков, 1948, с. 523–524].

⁵ Характерно, что можно было бы идти и в грязной, но это было бы нарушением традиции, и такой вариант даже не рассматривался.

В дальнейшем в одном из писем к жене во время своих башкирских путешествий⁶ Толстой соотнесет отсутствие рубашки с дикостью, см. письмо от 12 июня 1883: «Я дичаю все больше и больше; – не только не пишу, но не читаю, – чулок не надеваю, ни рубашки» (т. 83, с. 389).

На основании приведенных фрагментов творчества и эпистолярия писателя можно заключить, что образ рубашки зачастую появляется в текстах Толстого в переломные и пограничные моменты и также связан с рождением, смертью⁷ (или и тем, и другим, как в эпизоде приезда Андрея Болконского в Лысье горы, когда его жена умирает в родах⁸), нахождением в пограничных ситуациях (инициация⁹, свадьба¹⁰) и пространствах, например на кладбище¹¹ или на окраине деревни¹². Таким образом, рубашка может выполнять функцию границы – как внешней (между миром и человеком, между образом «внешнего человека» и человека настоящего), так и внутренней, мифопоэтической.

Подобная символика достаточно традиционна: в некоторых славянских (и не только) обрядах рубашка также связана с пограничными процессами (рождение, инициация, свадьба, смерть) и может замещать реального человека, ее носящего. Так, Г. С. Маслова отмечает запрет отдавать и продавать свою рубашку, что символически приравнивалось к потере счастья [Маслова, 1984, с. 41].

Характерно, что такая семантика рубашки использована Л. Н. Толстым в одной из его сказок: царь ищет рубашку счастливого человека, чтобы надеть ее

---

⁶ Подробнее о башкирской теме в жизни и творчестве Толстого см. в статье К. В. Анисимова [2017].

⁷ «Ополченцы – те прямо надели чистые, белые рубахи, чтобы приготовиться к смерти. Какое геройство, граф!» (т. 11, с. 20) – говорит Борис Друбецкой Пьеру перед Бородинским сражением и сразу же еще раз повторяет эти слова не расслышавшему их Кутузову. В планах и заметках к этой части романа Л. Н. Толстой записывает: «рубаха к телу близка, а смерть ближе» (т. 13, с. 45).

⁸ «Доктор с засученными рукавами рубашки, без сюртука, бледный и с трясушеюся челюстью, вышел из комнаты» (т. 10, с. 41).

⁹ В каком-то смысле инициацией можно назвать «военный поход» Пьера, переодетого в мужицкую одежду, закончившийся его освобождением из плена и духовным очищением.

¹⁰ Как в известном автобиографическом эпизоде с поиском Левиным рубашки прямо перед свадьбой.

¹¹ Очень яркая иллюстрация – текст из произведений, написанных для «Азбуки» и не включенных в нее, о том, как возвращавшийся с охоты с ружьем человек (возможно, сам Толстой) увидел на кладбище рубашку, накинутую на крест, принял ее за привидение и начал стрелять в нее, а рубашку туда повесил мужик, копавший рядом могилу.

¹² В рассказе-притче «Хозяин и работник» о блуждании замерзших путников в метель присутствует такое описание: «У крайнего двора на веревке отчаянно трепалось от ветра замерзшее белье: *рубахи, одна красная, другая белая*, портки, онучи и юбка. *Белая рубаха особенно отчаянно рвалась*, махая своими рукавами» (т. 29, с. 14). Через какое-то время образ белой рубахи становится еще драматичнее: «*белая рубаха уже сорвалась и висела на одном мерзлом рукаве*» (т. 29, с. 14). Веревка с замерзшим бельем попадает путникам и еще раз, сигнализируя о том, что они точно заплутали. В деревне им открывают дверь и предлагают остаться местные жители, одетые в те же предметы гардероба: «придерживая дверь от ветра, высунулся высокий старый с белой бородой мужик в накинутом полушубке *сверх белой праздничной рубахи* и за ним малый в красной рубахе...» (т. 29, с. 18). Путники не остаются ночевать и попадают в еще большую метель, и холод ночи описывается следующим образом: «И в снях он чувствовал, что не согреется, потому что ему было нечем покрыться, его же кафтан и шуба теперь совсем не грели его. Ему было так холодно, как будто он был в одной рубахе» (т. 29, с. 37).

и исцелиться, но, когда находят единственного счастливого человека, выясняется, что у него вообще нет рубашки – так он беден («Царь и рубашка», 1975).

Очевидно, символика рубашки в текстах Л. Н. Толстого в первую очередь связана с ее традиционными обрядовыми смыслами (рождение – свадьба – смерть), но может стягивать к себе и совершенно неожиданные смысловые сцепления, в том числе мифопоэтические (упоминание о рождении в рубашке Наполеона, образ рубашки-сфинкса) и жизнестроительные (переодевание в рубашку, чтобы изменить свой социальный статус, снятие рубашки как символ свободы, «одичания» или счастья). Очень значим образ рубашки в толстовских описаниях христианства («учение о щеке и рубашке» (т. 20, с. 238)) и формировании доктрины толстовства. Повторяемость и вариативность образов рубашки на протяжении всего творчества Л. Н. Толстого подтверждают их значимость и неслучайность и требуют дальнейшего исследования, внимательного рассмотрения контекстов их использования.

Список литературы

Абиева Н. М. Поэтика костюма в прозе А. П. Чехова: Монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 230 с.

Анисимов К. В. «В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев». Л. Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и житнетворчество в башкирской степи) // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 142–165.

Булгаков В. История Дома Льва Толстого в Москве. // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828–1948) / Коммент. и ред. Н. Н. Гусева. М.: Гос. лит. музей, 1948. Т. 2. С. 523–601. (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 12)

Дудукалова М. В., Сысоева О. А. Атрибуты гардероба главной героини в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Новый филологический вестник. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-garderoba-glavnoy-geroini-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina> (дата обращения 10.01.2023).

Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной литературе XVIII – первой половины XX в. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.

Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. 2-е изд. М.; СПб.: Родина, 2006. 175 с.

Козубовская Г. П. Костюм в прозе И. С. Тургенева: роман «Дым» // Мир науки, культуры, образования: экология, культурология, филология, искусствоведение, педагогика, психология. Международный научный журнал. 2013. № 5 (42). С. 281–284.

Лазареску О. Г. Предметный мотив одежды в русской литературе и фольклоре // Преподаватель. XXI век. 2013. № 3, ч. 2. С. 356–368.

Манкевич И. А. «Литературные одежды» как текст: мотив, сюжет, функция // Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 12–17.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Попова Ю. С. Мотивная функция костюма в рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (20). С. 86–89.

Терехова М. В. Костюм как текст и язык культуры // Вестник С.-Петербур. ун-та культуры и искусства. 2016. № 2 (27). С. 62–64.

Greenleaf M. *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford: Stanford Uni. Press, 1994. 412 p.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., ГИХЛ, 1928–1958.

Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб.: Пальмира, 2017.

References

Abieva N. M. *Poetika kostyuma v proze A. P. Chekhova: monografiya* [Poetics of clothing in the prose of A. P. Chekhov: monography]. Barnaul, AltSPU, 2018, 230 p.

Anisimov K. V. “V razorvannoy kibitke, posredi kur i dobrykh bashkirtsev” L. N. Tolstoy invertiruet evropeyskiy orientalizm (tvorchestvo i zhiznetvorchestvo v bashkirskoy stepi) [“In a shabby little wagon, surrounded by chickens and good basnkirians”. L. N. Tolstoy inverts European orientalism (creation of fiction and life in the Bashkir steppe)]. *Imagology and Comparative Studies*. 2017, no. 7, pp. 142–165.

Bulgakov V. Istoriya Doma L’va Tolstogo v Moskve [History of the Leo Tolstoy House in Moscow]. In: *L. N. Tolstoy: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948)* [L. N. Tolstoy: On the 120th anniversary of his birth. (1828–1948)]. N. N. Guseva (Comm. and Ed.). Moscow, Gos. lit. muzey, 1948, vol. 2, pp. 523–601. (Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya [Chronicles of the State Literary Museum], Bk. 12).

Dudukalova M. V., Sysoeva O. A. Atributy garderoba glavnoy geroini v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” [Attributes of the protagonist’s wardrobe in Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”]. *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 1. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/atributy-garderoba-glavnoy-geroini-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina> (accessed 10.01.2024).

Greenleaf M. *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford, Stanford Univ. Press, 1994, 412 p.

Kirsanova R. M. *Kostyum v russkoy khudozhestvennoy literature 18 – pervoy poloviny 20 vv.* [Clothing in Russian fiction of the 18th – first half of the 20th century]. Moscow, Bol’shaya Rossiyskaya entsikl., 1995, 383p.

Kirsanova R. M. *Rozovaya ksandreyka i dradedamovyy platok. Kostyum – veshch’ i obraz v russkoy literature 19 veka* [Pink xandreika and dradedam shawl. Clothing – thing and image in Russian literature of the 19th century]. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Rodina, 2006, 175 p.

Kozubovskaya G. P. Kostyum v proze I. S. Turgeneva: roman “Dym” [Clothing in the prose of I.S. Turgenev: the novel “Dym”]. *The world of science, culture and education: Ecology, Cultural Studies, Philology, Art History, Pedagogy, Psychology*. 2013, no. 5 (42), pp. 281–284.

Lazaresku O. G. Predmetnyy motiv odezhdy v russkoy literature i fo’klore [Subject motif of clothing in Russian literature and folklore]. *Prepodavatel XXI vek*. 2013, no. 3, pt. 2, pp. 356–368.

Mankiewicz I. A. “Literary clothing” as text: motif, plot, function [“Literary clothing” as a text: motive, plot, function]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*. 2013, no. 2, pp. 12–17.

Maslova G. S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obyayakh i obryadakh 19 – nachala 20 v.* [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 1984, 216 p.

Popova Yu. S. Motivnaya funktsiya kostyuma v rasskaze I. Bunina “Chisty ponedel’nik” [Motive function of clothing in the short story “Chisty ponedel’nik” by I. Bunin]. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism. Linguistics and Intercultural communication*. 2016, no. 1 (20), pp. 86–89.

Terekhova M. V. Kostyum kak tekst i yazyk kul’tury [Clothing as a text and language of culture]. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2016, no. 2 (27), pp. 62–64.

List of sources

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: In 90 vols.] Moscow, GIKhL, 1928–1958.

Tolstoy L. N. v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik. V 2 t. [Leo Tolstoy in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols.]. St. Petersburg, Pal’mira, 2017.

Информация об авторе

Ольга Евгеньевна Гевель, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Information about the author

Olga E. Gevel, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Literature Criticism, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.02.2024
The article was submitted on 07.12.2023;
approved after reviewing on 19.02.2024; accepted for publication on 19.02.2024*